

**ЦЕЙ БЕЛЛА АДАМОВНА**

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ  
НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ  
В АДЫГСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ  
ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА  
(И. Машбаш «Жернова», М. Кандур «Кавказ»)**

10.01.02 – Литература народов РФ

**Автореферат**

**диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук**

Майкоп – 2009

Работа выполнена на кафедре адыгейской филологии Адыгейского государственного университета.

**Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор  
Чамоков Туркубий Нухович

**Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор  
Схалыхо Абубачир Адышесович

кандидат филологических наук, доцент  
Коблева Зурет Асланчериевна

**Ведущая организация:** Карачаево-Черкесский государственный  
университет

Защита состоится 20 апреля 2009 года в 19<sup>30</sup> часов на заседании  
диссертационного совета Д. 212.001.02 при Адыгейском государственном уни-  
верситете по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Университет-  
ская, 208.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Адыгейского  
государственного университета.

Автореферат разослан 20 марта 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000508057

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

Л.И. Демина

## Общая характеристика работы

*Актуальность исследования.* Значительные изменения, произошедшие в нашей стране в последние десятилетия, позволили ученым и писателям ознакомиться с неизвестными архивными материалами и историческими фактами, прежде всего связанными с Кавказской войной, которая в современных произведениях стала обретать качества объективности.

Начиная с конца 1970-х годов, в силу складывавшихся идеологических и политических обстоятельств, писатели получали все больше возможности для художественного осмысления правды жизни и судьбы своих народов, правды истории с восстановлением ее страниц, оказавшихся вычеркнутыми на целые десятилетия. Это касается, в основном, проблем, связанных с Кавказской войной и махаджирством целого ряда народов Кавказа, в первую очередь – адыгов. Исход адыгов, как следствие Кавказской войны, не являлся до определенного времени предметом художественного и научного изучения. Однако нельзя сказать, что этого предмета вовсе не касались северокавказские писатели А. Гадагатль, А. Евтых, Т. Керашев, А. Кешоков, Н. Куёк, И. Машбаш, Б. Шинкуба, А. Шортанов, М. Эльберд.

В 1990-е гг. XX века начинается современный период в литературах народов Северного Кавказа, в частности – в адыгской. Результатом художественного исследования становятся произведения, созданные как на исторической Родине (Т. Керашев, А. Евтых, И. Машбаш, Н. Куёк, Ю. Чуюко, А. Кешоков, Б. Шинкуба, Б. Тхайцуков и др.), так и за её пределами – произведения писателей адыгского зарубежья (А. Мидхат, М. Кандур, К. Натхо, О. Челик и др.). Поставленные в них проблемы возбуждают у исследователей неразрывную цепь новых вопросов, выводят литературу на рожденную новой эпохой ступень изучения общечеловеческих ценностей. Из множества нравственно-философских проблем в качестве стержневой выделяется проблема моральной оценки трагического исхода адыгов в результате Кавказской войны. Именно в художественном осмыслении темы войны и махаджирства наиболее ярко и глубоко обозначились нравственно-философские основы жизнедеятельности адыгского народа.

Образцы произведений исторической темы в литературе Северного Кавказа современного периода явились свидетельством того, что начался процесс воссоединения связи времен в цепи исторического развития, процесс, коснувшийся всех народов, которые испытали на себе трагедию махаджирства.

Авторы романов Б. Шинкуба («Последний из ушедших»), М. Кандур («Кавказ», «Черкесы. Балканская история»), И. Машбаш («Жернова», «Два пленника»), А. Евтых («Бычья кровь») и многие другие повествуют о трагических судьбах людей, отчужденных от своей земли и драматически вживающихся в чужое культурное пространство, раскрывают важнейшие моменты исторического бытия народов, отдаленные от сегодняшнего дня целыми веками – по сути создают «летопись» жизни народа в одну из его самых переломных и трагических эпох.

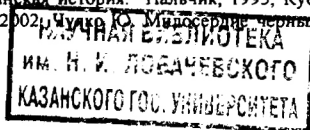
Все названные произведения объединяет общая тематика, интерес авторов к героико-эпической традиции народа, стремление к восстановлению его исторической памяти.

Вновь воскресшая тема Кавказской войны и другие, с ней связанные, уходящие в глубь веков, значительно расширили рамки эпического времени и дали возможность писателям проследить историческую судьбу народа на протяжении большого временного периода. Эти обстоятельства сейчас способствуют созданию новейшей литературы, включающей в себя и прошедший, и современный периоды общественно-культурного развития и оказывающей влияние на современные исторические и этнокультурные процессы, помогая постигать, прогнозировать будущее, в связи с чем происходят изменения в идеологии, нравственных и духовных ориентирах общества. Речь идет о произведениях И. Машбаша, Н. Куёка, Ю. Чуяко, М. Кандура и др.<sup>1</sup>

**Степень разработанности исследуемой темы.** Сегодня историческая литература, в том числе и адыгской диаспоры, находится под пристальным вниманием ученых, литературоведов, критиков, о чем свидетельствует немало статей и диссертационных исследований, в частности – посвященных историческому роману, что способствует проведению сравнительно-типологического анализа произведений. Среди трудов известных литературоведов необходимо отметить работы Бекизовой Л., Ергук-Шаззо Ш., Камбачоковой Р., Мамия Р., Мусукаевой А., Панеша У., Паранук К., Тлепчерше Х., Тхагазитова Ю., Хачемизовой М., Чамокова Т., Шаззо К., Шибинской Е.

Многие исследователи усматривают тесную связь современного исторического романа с адыгскими мифологическими и фольклорными традициями, которые, синтезируясь с литературными традициями, расширяют возможности многостороннего изображения жизни и судьбы, внутреннего мира

<sup>1</sup> Машбаш И. Жернова. Майкоп, 1993; Два пленника (диалогия). Майкоп, 1995; Кандур М. Кавказ. Нальчик, 1994; Черкесы. Балканская история. Нальчик, 1995; Куёк Н. Черная гора. Майкоп, 1997; Вино мертвых. Майкоп, 2002; Чуяко Ю. Мидосерда, черная гора или смерть за черной речкой. Майкоп, 2003.





героев. Формирующаяся традиция выступает как сюжетообразующее и структурообразующее начало современного исторического романа. Сопоставительный анализ романа «Кавказ» М. Кандура как представителя адыгской диаспоры и потомка махаджиров, с произведениями этой темы, созданными на родине А. Кешоковым, И. Машбашем, с фольклорными текстами периода Кавказской войны, позволяет проследить особенности сюжета, образостроения в новой исторической прозе адыгов, определить роль и значение художественных конфликтов на военную тему, оценить новизну созданных типов героев, своеобразие нравственно-философской проблематики – всего того, что придает качества новизны идущему этапу формирования историко-художественного мышления народа. Необходимо отметить и то, что значительным завоеванием адыгских литератур двух последних десятилетий явился подлинный историзм, позволивший расширить эпически масштабный охват этих событий.

Вполне естественно, что нравственно-философская проблематика современной исторической прозы, при всей ее широте, сублимируется на проблему «человек и война». Объективные причины изменения вектора писательского интереса к этой теме известны, достаточно изучены в науке. Вехи ее развития с конца 70-х годов XX века в литературе обозначены, имена северокавказских авторов и названия их произведений к началу XXI века стали знаковыми.

Однако при значительных изменениях объектов писательского и научного интереса в современной адыгской литературе доминируют проблемы моральной оценки Кавказской войны и махаджирства – в контексте философского осмысления исторической прозы.

Наиболее ярко и художественно убедительно этот интерес реализован в двух романах – И. Машбаша («Жернова») и М. Кандура («Кавказ»).

Если романы И. Машбаша по достоинству оценены адыгской критикой (Бекизова Л., Ергук-Шаззо Ш., Мамий Р., Паранук К., Тлепцерше Х., Шаззо К.), то трилогия М. Кандура только становится объектом научного интереса и обширной критикой не располагает (за исключением работ Аковой А., Бакова Х., Схаляхо А., Тимижева Х., Шаззо К., Шаовой Ф.).

Так, А. Схаляхо в общем обзоре творчества М. Кандура останавливается на тематическом содержании трилогии «Кавказ».<sup>2</sup> К. Шаззо, рассматривая своеобразие творчества адыгских писателей-зарубежников, дает характери-

---

<sup>2</sup> Схаляхо А. Художественное наследие адыгской диаспоры // История адыгейской литературы. Т. 3 – Майкоп, 2006.

стику и творчеству М. Кандура.<sup>3</sup> А. Акова в диссертационном сочинении, посвященном теме махаджирства, в ряду произведений на эту тему выделяет роман А. Эльмесоа «Орлы возвращаются в горы», повесть М. Лохвицкого «Громовой гул», романы М. Кандура «Кавказ», «Черкесы. Балканская история». «Кавказ» характеризуется как роман-судьба, как философский роман. В исследовании А. Аковой особенно ценна попытка широко рассмотреть поэтику романа, его историзм.<sup>4</sup> Х. Тимижев в монографии «Историческая поэтика и стилистические особенности литературы адыгского Зарубежья»<sup>5</sup> уделяет внимание творческой биографии М. Кандура, историографии его романов «Кавказ», «Черкесы. Балканская история», отмечает некоторые особенности художественного стиля М. Кандура, в частности, объясняет скупость изобразительных средств писателя влиянием кинематографического опыта Кандура-сценариста. Для нас особенно ценно в книге Х. Тимужева наблюдение о двух линиях повествования у Кандура – исторической и семейно-родовой и акцент идеологии неприятия войны в ее любой форме.

Делаются попытки сопоставления романов И. Машбаша («Хан-Гирей», «Два пленника» и др.) и М. Кандура. Эта работа нуждается в продолжении не только с целью дальнейшего исследования эпохи Кавказской войны, но и художественного анализа обширной эпической картины, созданной усилиями двух крупных мастеров разных художественных школ и идеологических систем. Перспективы ее пытается наметить Камбачокова Р.,<sup>6</sup> Табыш М. разрабатывает идею сопоставления романов М. Кандура («Кавказ») и И. Машбаша («Хан-Гирей») через исследование этносозерцания и национального менталитета адыгов.<sup>7</sup>

**Объект исследования** – исторические романы И. Машбаша «Жернова» и М. Кандура «Кавказ».

**Предмет исследования** – нравственно-философский спектр проблем войны, мира и свободы человека в романах И. Машбаша «Жернова» и М. Кандура «Кавказ».

<sup>3</sup> Шаззо К. Шабан Кубов. Кадыр Натхо // История адыгейской литературы. Т.3 – Майкоп, 2006.

<sup>4</sup> Акова А. Тема махаджирства в свете проблем формирования исторической прозы адыгских литератур. – Нальчик, 2001.

<sup>5</sup> Тимижев Х. Историческая поэтика и стилистические особенности литературы адыгского Зарубежья. – Нальчик, 2006.

<sup>6</sup> Камбачокова Р. Несколько слов о тенденциях развития адыгского исторического романа // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии / Материалы конференции. – Майкоп, 2001. – С. 80-82.

<sup>7</sup> Табыш М. Этномиросозерцание и национальный менталитет адыгов в современной адыгской (черкесской) литературе // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии / Материалы конференции. – Майкоп, 2001. – С. 157-158.

*Целью исследования* является изучение художественного воплощения нравственно-философских проблем Памяти и этического кодекса «Адыгагъэ» в романах И. Машбаша «Жернова» и М. Кандура «Кавказ».

Для достижения цели необходимо решить следующие *задачи*:

- исследовать морально-художественную сущность категорий адыгской нравственности, составляющих этический кодекс «адыгъ хабзэ»;
- спроецировать принципы «адыгъ хабзэ» на основные этапы развития адыгейской литературы;
- обозначить идейно-эстетические проблемы, концентрирующие духовно-нравственные направления исследования художественного мира адыгов XIX века в романе «Жернова»;
- изучить своеобразие художественного осмысления нравственно-философских проблем в трилогии «Кавказ»;
- установить общее и индивидуально-своеобразное в художественной структуре каждого произведения.

*Научная новизна диссертационного исследования* заключается в структуре и содержании сравнительно-типологического анализа двух произведений, из которых трилогия М. Кандура впервые в адыгской науке стала предметом концептуального художественного исследования, выводящего за рамки обозначенной темы, но способствующего ее углублению.

*Положения, выносимые на защиту*:

1. Установление диалектической связи этического кодекса «адыгъ хабзэ» с веками развития адыгейской прозы способствует формированию целостного представления о значении духовно-нравственного основания для зрелой литературы, в частности – исторической романистики.

2. Сформированные на этой основе гносеологические и эстетические характеристики нового адыгского эпоса, в котором романы «Жернова» И. Машбаша и «Кавказ» М. Кандура представляют собой неординарное художественно-историческое явление, позволяют сделать заключение о значении исторической романистики, созданной представителями разных художественных систем.

3. Роман «Жернова» дает основание рассматривать его как убедительное художественное свидетельство об адыгском духовно-нравственном мире XIX века, который наиболее впечатляюще проявляет свои качества в романе через авторское решение проблем памяти, войны и мира, свободы, чести и достоинства человека.

4. Решение нравственно-философских проблем в трилогии М. Кандура происходит в жанровых рамках семейно-исторического повествования и по многим параметрам отличается от художественных решений И. Машбаша.

5. Осмысление общности и различия произведений И. Машбаша и М. Кандура значительно углубляет представления о современном адыгском историческом романе.

*Методологической и теоретической основой* диссертационной работы являются принципы теории познания, историко-литературоведческие исследования М.М. Бахтина, Ю. Борева, В.Г. Белинского, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачева, В.В. Виноградова, Н.И. Пруцкова, Ю.И. Суровцева, М.Б. Храпченко; а также труды адыгских литературоведов: Л. Бекизовой, Ш. Ергук-Шаззо, Р. Камбачоковой, Р. Мамия, А. Мусукаевой, У. Панеша, К. Паранук, К. Султанова, А. Схалыхо, Х. Тимижева, Х. Тлепцерше, Ю. Тхагазитова, Ф. Хуако, Т. Чамокова, К. Шаззо, Е. Шибинской. Серьезную помощь в изучении философско-этических основ национальной жизни оказали труды А. Алхакова, Б. Бгажнокова, Р. Унароковой, Р. Ханаху, А. Шадже.

*Методы исследования* – сравнительно-исторический, системно-типологический, текстологический.

*Теоретическая значимость* обусловлена реализацией системно-типологического подхода к исследованию двух произведений адыгских авторов отечественной и зарубежной литературы, что сделано впервые в адыгейской науке.

*Практическая значимость* состоит в возможности использования результатов исследования по истории российской и адыгской литератур в базовых курсах «Литература народов РФ», в спецсеминарах по литературам соответствующего профиля, в руководстве научной работой студентов в качестве продолжения разработки продуктивной проблемы отечественного литературоведения.

*Апробация работы.* Основные положения и научные результаты исследования нашли отражение в материалах научных конференций: международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии» (Майкоп, 2001, 2003, 2005, 2008), всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива – 2003» (Нальчик, 2003), Первого международного конгресса кавказоведов (Тбилиси, 2007), 2-ой научно-практической конференции «Художественная литература и Кавказ» (Сочи, 2007).

Диссертационное исследование дважды обсуждалось на заседаниях кафедры отечественной литературы и кафедры адыгейской филологии АГУ.

**Структура работы.** По своей структуре работа организована в соответствии с поставленными целью и задачами и состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновываются выбор темы, цель и задачи исследования, определяются его актуальность и степень научной новизны, представляются основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы.

В *первой главе «Кодекс «Адыгагъэ» и историческая память народа в нравственно-философском осмыслении адыгской прозы (веи развития)»* характеризуются художественно-этические принципы Т. Керашева, нашедшие выражение в его творчестве. Публицистика, новеллы и рассказы, романы и повести писателя устремлены были и темой, и пафосом к одному предмету – жизни адыгов, их исторической памяти, культуре, нравственному закону. «Щамбуль», «Дочь шапсугов», «Абрек», «Абадзехский охотник», «Состязание с мечтой», «Одинокый всадник», раздумья о культуре и искусстве адыгов, о судьбе горянки, социальных преобразованиях 30-х-80-х годов XX века – все в подводном течении касалось истории народа, его многотрудной жизни, стойких духовно-нравственных основ.

Это качество, унаследованное литераторами-современниками Т. Керашева и его последователями, стало традицией современной адыгейской литературы. И. Цей, А. Евтых, Ю. Тлюстен, Д. Костанов, Х. Ашинов, И. Машбаш, К. Жане, Н. Куёк, Ю. Чуяко, П. Кошубаев, С. Панеш, Х. Теучеж оказались в том отряде наших современников, которые сумели настроить свое творчество на вечно звучащий камертон многоголосой народной жизни, где этический кодекс «адыгъ хабзэ» – величина постоянная.

Рассмотрение теоретических основ категорий адыгской нравственности «адыгъ хабзэ» и этапов их воплощения в адыгской литературе позволили прийти к следующим выводам: 1. Внимание адыгских ученых (А. Ахлакова, Т. Афасижева, Б. Бгажнокова, К. Бузарова, А. Мирзоева, Ю. Тхагазитова, Р. Унароковой, Р. Ханаху, А. Шадже, И. Шорова), адыгейских писателей (Х. Ашинова, А. Евтыха, Н. Куёка, И. Машбаша, И. Цея, Ю. Чуяко) к проблемам концепции личности и нравственного выбора, этическому кодексу и исторической памяти в целом сближает в общих воззрениях адыгейских и российских писателей и ученых (В. Астафьева, В. Белова, Г. Гачева, В. Ко-

жинова, Е. Носова, Д. Лихачева, В. Распутина и др.). 2. Вместе с тем внимание адыгов исторически сосредоточивается на нормах адыгской этики: человечность, чуткость, благовоспитанность, скромность, благородство; причем в определенные периоды истории особенно значат понятия патриотизма, мужества и чести. 3. Кавказская война в некоторой степени изменила систему ценностей, выдвинув на первый план воинственность и благородство, любовь к родине. 4. Главной точкой духовного сближения народов в настоящее время является человеколюбие и толерантность. 5. Исторические романы И. Машбаша, Н. Куёка, Ю. Чуяко создают многослойный, глубокий контекст философского осмысления этического кодекса «адыгэ хабзэ». 6. Обобщающая идея первой главы – мысль о неизменной верности адыгейской литературы духовно-нравственным, гуманистическим законам адыгской жизни.

Во второй главе *«Роман И. Машбаша «Жернова» как яркое художественное свидетельство современной адыгской исторической прозы о духовно-нравственном мире адыгов XIX века»* – рассматриваются следующие аспекты темы: 1. Обретение нравственно-философской проблематики новых качеств в хронологии движения романного эпоса И. Машбаша. 2. Нравственно-философский аспект художественного осмысления проблемы войны и мира, человека и войны в романе «Жернова». Авторская позиция и судьбы главных героев. 3. Гуманистическая направленность романа в решении важнейших нравственных проблем жизни адыгов XIX века. 4. Особенности художественно-стилевого решения нравственно-философской проблематики в романе «Жернова».

Тему трагической судьбы народа и философское осмысление идей Памяти, гуманности и патриотизма в поэме «Хьуауй» («Шторм») И. Машбаш впоследствии продолжил и развил в более крупных по форме произведениях – повести («Два пленника»), романах «Раскаты далекого грома», «Жернова», «Хан-Гирей», «Из тьмы веков», «Адыги», «Рэдэд» и др. Объектом растущего внимания писателя становится все расширяющийся художественный срез национальной истории адыгов, пронизанный идеей трагизма судьбы народа и его мужества в разные этапы его истории, связанные с Кавказской войной. Помимо образа времени, романы сближаются проблемами памяти, философии истории, моральными оценками исторических деятелей, нравственными идеалами народа. Историческая романистика И. Машбаша проникнута общим пафосом художественно-документального повествования, чувством истории, реализмом и нарастающим психологизмом широкомасштабного изображения адыгского этноса. Преемственность произведений создается не

только сквозными темами и мотивами, но и непрерывностью мысли об истории народа, что мотивировано и переходом ряда персонажей из одной книги («Раскаты далекого грома») в другую («Жернова»).

Исторические романы И. Машбаша критика (К. Шаззо, Ш. Ергук-Шаззо, Х. Тлепчерше, Р. Мамий) обоснованно относит к философским романам: в основе их конфликтов – столкновение идей, религиозных, философских и духовно-нравственных воззрений на проблемы войны и мира, добра и зла, гуманности и насилия, свободы и рабства.

Новизна изображения конфликтов в том, что они перенесены в сознание и сердце героев, порой ведущих спор с самим собой, мечущихся в поисках истины.

Роман И. Машбаша «Жернова» положил начало гуманистическому осмыслению трагической вехи истории адыгов, связанной с темой Кавказской войны. Жанровые особенности романа: панорамный разворот событий, полифоничность и целостность картины, воссоздающей историю самобытного народа с его социальной судьбой и нравственно-мировоззренческим кодексом разных представителей социума, с его бытом и бытием – позволяют говорить о нем как комплексе признаков нескольких романских типов (эпопейности, философичности, психологизма). Причем в романе равнозначны по объему повествования духовный мир и нравственный характер человека из народа (Трам, Хапат) и князя (Сафербий и Карбатыр Заны, Хан-Гирей); в ряду персонажей – представители разных национальностей и народов мира, религиозных воззрений, философских оценок действительности и прошедших времен. Средоточие философско-нравственных противоречий и схождений – проблема человек и война. В ее художественном решении автор прибегает к созданию образов князей и тфокотлей, сыгравших существенную роль в предвоенных и военных событиях. Тфокотли Трам, Хапат, Нурмагомет Хагур, Тим Некрас – носители подлинного героизма, простые люди, которые в предчувствии национальной катастрофы становились воинами, готовящимися защитить свою землю и свободу (К. Шаззо, Ш. Ергук-Шаззо). По мысли Сафербия Зана, эти «мужики», «скотники» порой бывают «достоиннее кичливых бездельников, пустобаев уорков и князей. Они могут стать настоящей и грозной силой в нашем общем деле» (с. 67). «Истинным черкесом» показан и русский по происхождению Тим Некрас.

Князь Сафербий Зан, разделивший со своим народом его трагическую судьбу, является центральной фигурой романа, его идеологом, философом и активным воителем за справедливое дело. Вместе с тем именно образ Сафер-

бия Зана является одним из сложнейших в романе: с его трактовкой связано понимание автором роли правителя в обществе, его отношений с народом, с властью, его способности отстоять свободу, совершить нравственный выбор, нести ответственность и ощущать вину за принимаемое решение. Эта концепция нашла воплощение в структуре романа, развитии сюжетных линий, связанных с настоящим в жизни героя и с будущим его потомков. Главная линия сюжета – формирование самосознания Зана как человека, переживающего боль за судьбу народа. Путь эволюции его мировоззрения – от стремлений к объединению всех адыгов перед лицом опасности до осознания необходимости замирения ради спасения адыгов от катастрофы уничтожения – драматичен, судьба трагична, так как Зан в самый ответственный момент для судьбы его народа попал в западню, подстроенную ему российским императором и турецким султаном. В этой трагической обстановке Сафербий Зан остался верен идеалам смелости, мужества, чести и гуманизма. Он пожертвовал своей жизнью во имя слабой надежды на объединение людей, что означало бы спасение народа.

Эта мысль у И. Машбаша проходит главной идеей через весь сюжет романа. В образе Сафербия И. Машбашу удалось проследить становление новой нравственности, ядро которой – деятельный героизм.

На идее верности горской молодежи этическим принципам отцов автор строит образ молодого поколения, которое бережет духовность – «мощь народной философии и морали». Возросшую сложность осуществления заветов отцов в новой обстановке ожесточенной борьбы с царизмом автор показывает через образ сына Сафербия – Карбатыра, который пытается совместить благородство и человечность с неудержимой ненавистью к врагу, зачастую руководящей его поступками. Писатель показывает, что создавшаяся ситуация затронула важнейшие нравственные категории: мужество, ответственность перед людьми, героизм и любовь к родной земле, дому... упорство в достижении целей, «справедливость, деликатность, толерантность...».<sup>8</sup>

Создавая эпическую картину народного бытия, И. Машбаш рисует ее разносторонне, привлекая и лирические, и драматические средства изображения. Здесь чрезвычайно важны его размышления о людях, его авторские эмоциональные оценки, прямые лирические обращения, где он строг и в то же время открыт для искренних чувств. Таковы его оценки адыгов («гордый и мужественный народ», «свою свободу они уподобляют птице, мужество – чести нации» (с. 9). Писатель не скрывает своего восхищения и преклонения

<sup>8</sup> Бажноков Б. Адыгская этика. – Нальчик, 1999. – С. 18.



перед адыгом, признается в своих намерениях «поведать миру историю давней и ближней жизни». Высказывая добрые истины, Машбаш не скрывает и горьких истин. В романе не раз звучит призыв к необходимости «унять свою гордыню, встать под одно знамя и дать отпор противнику»... Найти свое призвание на земле, сохранить этнос от геноцида – главное предназначение народа: и вождей и народных масс (с. 10).

В откровенных размышлениях, в открытости авторского чувства создается своеобразный тон для звучания гуманистической направленности романа в решении важнейших нравственных проблем жизни адыгов XIX века.

Гуманистическому вектору автор следует неизменно и в сценах военного быта, и в анализе психологии человека на войне, и в рассказе о частной жизни героев. Картины войны и мира пронизаны и чувством ненависти к войне и трагической мыслью о ее всеобщности и состраданием к народу, поставленному «под ружье». Прав в своих обобщениях Х. Тлепцерше: «единственный выход адыги видели в борьбе за свое существование».<sup>9</sup> Но вопрос, как это осуществить без уничтожения народа, представляется и героям романа, и разным типам политиков «неразрешимым». Машбаш пытается его разрешить в монологах и диалогах героев, нащупывая болевые точки проблемы: разобщенность, гордыня, зависть, несовпадение мнений...

Отражая переломные этапы истории адыгейского народа, впервые в адыгейской литературе обретает философское звучание тема исторической судьбы адыгейского народа, тема исторического выбора, тема махаджирства как следствия Кавказской войны. Далеко не все проблемы решаемы и в современном мире. Более того, появляются новые проблемы – «русскоговорящих», «полукровок», «людей без крова, рода и племени», ожесточения в борьбе за иллюзорные права и блага... Машбаш, чувствуя нарастание губительных угроз для всего человечества, и от себя, и своих героев призывает к справедливости, миру, братству народов и племен.

Этим же гуманистическим чувством окрашены картины повседневной жизни народа, изображение его труда, обычаев, ритуалов. Ограничить функции этих картин в художественной палитре И. Машбаша этнографическими целями было бы неверным: писатель деликатно выражает стремление погрузить читателя в дорогой ему мир этноса – героя романа. Гордость оригинальной культурой адыгов – значит гордость их героическим самобытным характером.

---

<sup>9</sup> Тлепцерше Х. Пока жива душа // Советская Адыгея. – 1995. – 5 октября. – С. 6.

Рассмотрение «Особенностей художественно-стилевого решения нравственно-философской проблематики в романе «Жернова» завершает изложение заявленной в главе темы. Внимание сосредоточивается на способах философизации исторической прозы (лирическо-философские отступления, притчи, афоризмы, легенды), на средствах психологизма (внутренний монолог, восходящий к исповеди и душевным раздумьям, пейзаж, принцип антитезы, психологический параллелизм, нартские и обрядовые песни). Поэтически многообразен язык романа, афоризмы, пословицы и образные выражения в котором в определенной степени воссоздают философию жизни этноса.

Результаты исследования романа М. Кандура «Кавказ» изложены в *третьей главе «Художественное осмысление нравственно-философских проблем в трилогии М. Кандура «Кавказ»* – в 3.1. излагается историография трилогии («Пролог романа «Кавказ» и художественный замысел М. Кандура); в 3.2. устанавливаются аспекты близости романов И. Машбаша «Жернова» и М. Кандура «Кавказ»; в 3.3. характеризуется своеобразие трилогии М. Кандура, в 3.4. рассматриваются концепция героя и героического в трилогии, в 3.5. анализируются понятия войны и мира, свободы и достоинства человека как идейно-философского ядра трилогии, устанавливается смысл эпилога, заключающего архитектуру романа «Кавказ» в кольцевую композицию.

В «Прологе» трилогии «Кавказ» через воспоминания М. Кандура о своей родословной проступают некоторые важные моменты, типичные для судьбы переселенца-махаджира, предки которого покинули Кавказ еще в XIX веке. Изложены причины столь тяжелого выбора (надежда на чужбине сохранить веру, чтобы «не оказаться во власти христианского царя»). Высокая цена выбора открылась людям позднее). Дается краткая историческая справка по драматической истории Кавказа, который «превратился в заповедник исчезнувших народов и Вавилон языков». Мотивирована цель – сказать правду о трагедии предков, объяснен выбор жанра, очерчен круг проблем исторического романа – трилогии «Кавказ». Материалы «Пролога» в какой-то мере оказали влияние на собственную концепцию автора диссертации – исследование трилогии через сопоставительный анализ основных эстетических параметров романов «Жернова» и «Кавказ». Мотивы выбора названных романов обоснованы рядом факторов, среди них: 1. Возросший интерес к историческому прошлому, главным образом, теме Кавказа в XIX веке; 2. Незатухающие всплески конфликтов на межнациональной почве на Кавказе в XX веке; 3. Художественная реализация интереса к историческим проблемам Кавказа в северокавказской, русской, зарубежной литературах, стимулирую-

щая тяготение к созданию больших эпических полотен типа панорамного романа, романа-эпопеи; 4. Опыт И. Машбаша и других адыгских писателей; 5. Особенности художественно-исторического творчества М. Кандура.

Два произведения об одном историческом времени сближены в следующих аспектах: 1. Огромная историческая тема: Кавказская война и махаджирство. Судьбы изломанных войной людей разных национальностей и сословий. Нравственная идея: боль отчуждения от родины и чувство кровной связи с ней. 2. Философско-нравственная трактовка темы: а) понятия исторической судьбы как своеобразного знака имперской политики трех государств: Турции, Англии, России; б) изображение героев в атмосфере нравственных испытаний. Акцент на главных точках ситуации морального выбора героя как процесса воспитания человеческой души; в) объединяющие два романа философско-нравственные вопросы: В чем смысл жизни? Каков нравственный мир человека? Ощущает ли он ответственность за все, что происходит? г) нравственный кодекс (адыгэ хабзэ) – незыблемые устои мироощущения адыгов, основа мужской доблести и чести, женской верности и достоинства. 3. Авторская позиция: ощущение трагизма исторической памяти, близости событий Кавказской войны нашему времени, стремление к исторической правде в изображении исторических лиц, вымышленных персонажей, соответствующая конкретизация реалий. 4. Способы воссоздания драматизма исторической эпохи: а) через воспроизведение облика истории, быта и бытия людей, в сочетании эпоса, лирики и драмы как способов речевой организации; б) изображение подлинных характеров и событий, в частности реальных исторических деятелей; в) создание трагического образа Памяти: реконструкция образов людей по обе стороны «барьеров», погружение автора в глубь истории и движение в гущу недавних событий, ощущение неизбежного трагизма исторической памяти, близости событий Кавказской войны нашему времени. 5. Жанр: исторический панорамный роман. 6. Сюжет: судьба адыгских народов, попавших в жернова истории. 7. Трагический финал Кавказской войны для адыгов и других народов Кавказа, может быть, – и мира.

Своеобразие трилогии «Кавказ» как синтеза исторического и семейного повествования в рамках романа о духовно-нравственной биографии типичного адыгейского рода выражается прежде всего в художественной монолитности исторической и частной темы. Историческая тема Кавказской войны берется от завязки конфликта и его вспышек (I том), развития конфликта до пожара войны (II том), полыхания огня войны вплоть до трагического исхода для адыгов Кавказа (III том). Широкий разворот событий раздвинул

пространство и время изображения, вобрав два века исторической жизни Северного Кавказа, Турции и России, задев Великобританию, Польшу, Грузию, Армению. Образы исторических лиц в большинстве случаев отличаются психологической индивидуализацией, проникновением автора в строй их мыслей, мотивированностью движения чувств. Стремление к психологической разработке национальных характеров заметно и в вымышленных образах десятков персонажей. Подчеркивается такая конструктивная особенность подлинно романного повествования, как умение автора пропустить события через судьбы нескольких поколений, создавая тем самым историю адыгского (кабардинского) рода, прототипом которого был род Кандура. Объединяющее ядро каждого тома – сквозной образ адыгского героя. Его имя становится точкой сосредоточения духовных сил адыгов, их боренья со злом – своего рода знаковой фигурой.

Так – в I томе это Ахмет, во II-ом – Казбек, в III-ем – правнук Казбека Нахо. С ними связаны штрихи главной линии сюжета, его кульминации и развязки. Кандур создал образы «героев во плоти», прибегнув к романтическим и реалистическим средствам изображения. Роман открывается рассказом о частной судьбе Ахмета (кабардинца с Кубани), но уже с первых страниц начинают вырисовываться очертания сквозной темы романа – войны и мира как выживания путем победы над врагом. Здесь проявляется и складывается идейно-художественная оппозиция: свой – чужой, друг – враг, горец – казак, хозяин своей земли – завоеватель. Ахмет и его горское окружение у Кандура подобны эпическим героям. Они мыслители и рыцари, идеализированы в духе героического эпоса, хотя в их изображении много бытовой и психологической достоверности. Сын Ахмета Казбек – центральная фигура трилогии, «Лев Кавказа». Трагичность его образа в том, что он, человек мирных духовных устремлений, принужден убивать, мстить, проливать кровь. В свое время Казбек стал Хаджи, дал клятву не убивать, только добром изменять жизнь. Но в страшный час своей жизни он убил врага из захватчиков, отомстил за сына, стал изгоем перед лицом властей и героем шалсугского народа, своего рода символом непоколебимого мужества, отваги, гуманности и любви к Родине. Духовный мир Казбека заряжен мощной энергией мысли и чувства, развивающимися в диалектике противоречий и побед. Вот почему автор внимателен к ступеням формирования его личности. Акцентируется воспитание Казбека в «школе» аталика князя Темирока, что позволяет автору подробно останавливаться на процессе нравственного и физического воспитания адыгского юношества. Мораль аталика значительна для осмысления

авторской позиции в понимании этики горцев: «Воин сражается не ради жизни, а ради славы. Его доблесть должна приносить пользу другим, а не питать его алчность» (2, 40). Деликатно-сдержанно автор описывает поведение Казбека, согласно кабардинским обычаям, в эпизодах его ухаживания и женитьбы на красавице Нурсан из Кабарды, других событий частной жизни. С образом Казбека связано и художественное решение главной моральной проблемы мира и войны в восприятии и реакции на нее героев романа. С развитием военных событий в их влиянии на драматическую биографию Казбека автор выделяет несколько кульминационных точек. Среди них – разгром русской армией кабардинского аула Трам (2, 7 гл.) и расправа над семьей Казбека (2, 12 гл.). Именно тогда потрясенному сознанию героя открылась истина о невозможности любви там, где разум вызывает о ненависти. И тем не менее честь и достоинство всегда составляли главное содержание его личности. Именно такими качествами поражает Казбек военных противников и во время дипломатических переговоров и между боями. Автор изображает процесс постепенного прозрения Казбека относительно роли Турции и Великобритании в античеркесской политике, неотвязнее становятся его мысли о том, что «не одни гяуры виноваты в творящемся вокруг зле» (3, 172).

Казбек неизменен в верности идеалам свободы, чести и товарищества. В конце жизни он больше всего озабочен судьбою Хаджи Даниля – своего соратника по борьбе «за освобождение шапсугов» (3, 175). Он посылает внука Нахо спасти бедствующего в руках врага товарища. Нахо унаследовал от деда его мужество и высокие понятия о чести и достоинстве адыга. Об этом говорят эпизоды встречи с жителями аула Хапца губернатора – предателя Кундукова. Нахо отважно уличил губернатора во лжи, а турецкие власти – в лицемерии. Автор отводит образу Нахо крупный план изображения в 3-ей книге и с горечью описывает состояние героя, вынужденного покинуть родину, – трагичное, разрушающее стойкое миропонимание шапсугов.

История черкесского сопротивления многочисленным захватчикам значительно расширяет авторское поле исследования проблем и позволяет автору развить свое представление о героях и героическом. Кандур останавливается на трех крупных войнах за свободу и веру: борьбе чеченского шейха Мансура, движении Шамиля и Гази Муллы в Дагестане и борьбе западных адыгов, воодушевляемых Казбеком и Мансур-беем. Исторические герои сопротивления изображены в гуще военных событий, на фоне батальных сцен и эпизодов, – как правило, в противопоставлении царским военачальникам и чиновникам. Горские вожди наделены общностью черт характера и

темперамента: фанатичностью религиозной веры, неистовством и безоглядным бесстрашием в самых опасных перипетиях борьбы, властью и государственным умом.

Акцент на исключительном – ведущий принцип автора, прибегающего к романтическим краскам изображения (эпизоды разгрома русских войск в ауле Алди – ставке шейха Мансура (I том), яростное сопротивление царским войскам Шамиля и Гази при защите крепости в ауле Гимри (II том), гордое достоинство Шамиля на переговорах с царским генералом Фон Клюгенау (III том).

Понятие героизма и героического раскрывается как в конкретном изображении героического деяния, так и в отвлеченно-обобщенных рассуждениях действующих лиц из горского ряда героев (К примеру, размышления Казбека об ответственности всякого вождя – быть достойным того, чтобы народ шел за ... ним... он должен суметь сыграть роль героя так, чтобы более робкие люди, глядя на него, сумели пробудить отвагу в своих душах...(3, 29). Этот мотив лежит в основании оценки Шамиля и Гази через восприятие врага – Вельяминова, потрясенного силой жизни и мужеством Шамиля: «Эти горные твердыни порождают какие-то фантастические создания невероятной силы» (2, 260). Автор пополняет ряд «фантастических созданий» из среды шапсугов и абадзехов, продолжающих свое героическое сопротивление – и с оружием в руках, и в мужестве противостояния жестоким обстоятельствам (Хаджи Даниль, Сафербий Зан, Шамиз-бей, шапсугские вожди и др.).

Проблемы войны и мира автор связывает с нравственными категориями свободы и достоинства человека, делая их идейно-философским центром притяжения в трилогии, что достигается путем параллельного исследования жизни представителей борющихся сторон в Кавказской войне: горских вождей и воинов – представителей духовенства, царских военачальников, офицеров и казаков (Ермолова, Паскевича, Вельяминова, Комарова, Захарьина, Калинина...)

Сильные художественные стороны романа выявляются в стремлении автора к максимально объективному изображению дел и психологии противоборствующих сил, чему способствовало знание ментальных сторон горцев и довольно уверенная осведомленность в военно-дипломатических коллизиях деятельности представителей стран-участников Кавказских событий и высшего общества в России. Это качество позволило автору развернуть свой эпос вглубь истории, достоверно персонифицировать многие исторические и вымышленные фигуры, поместив их в реальную среду турецкой столицы,

лондонских «деловых» учреждений, апартamentов петербургской знати. Параллельно с историей кавказских войн Кандур пишет историю англо-турецких дипломатических усилий противостоять России, отчего в романе немало места отведено деятельности представителей этих государств. Автор не спешит обнажать противоречия между намерениями и поступками британских дипломатов и дельцов, довольно деликатно изображает постепенное прозрение искренних друзей и горцев в Лондоне и Константинополе (Эркарта, Белла, Лонгворта), осознание невозможности выполнять данные шапсугам обещания помощи в борьбе с Россией.

Среди разных типов военных на Кавказе автор выделяет множество носителей разноречивых взглядов на войну и мир на Кавказе – от верноподданнических, шовинистических до глубоко критических или полных скепсиса о методах проведения российской политики, в особенности во 2-ой половине XIX века. М. Кандур с уважением рисует в прошлом романтическую фигуру князя Васильчикова, великосветского льва, ставшего другом горцев, бесстрашно помогающего им в борьбе с эпидемиями на Кавказе, врачующего их раны.

Философская притча в эпилоге романа «Кавказ» – общечеловеческая по ее глубокому смыслу. М. Кандур пытался искать большой Дом и в других своих произведениях, к примеру «Черкесы. Балканская история». Полагаем, что писателю удалось достучаться до многих читателей мира – и своей родословной, и образами горцев разных племен, показав человеческую неповторимость каждого. Прочитируем М. Кандура: «Надеюсь, что в результате мне удалось раскрыть в определенной степени правду о нашем народе и о трагедии, постигшей нашу нацию. Я надеюсь также, что найдутся честные люди, которые возьмутся за перо и напишут больше и глубже о том, что мне удалось лишь вытащить на поверхность. Где-то ждут своего часа целые пласты забытой, нерассказанной истории, тысячи событий должны стать достоянием людей. Мир не может пройти мимо моего народа, не ведая, откуда мы и что случилось с нами на нашем пути» (1, 17).

Таким образом, своеобразие романа «Кавказ» заключается в философско-эстетической концепции, определившей широкую историческую трактовку темы, нашедшей воплощение в особенном жанре и сюжетно-композиционной структуре.

Решая философско-нравственные вопросы, автор опирается на законы адыгской нравственности, в то же время с уважением всматривается в национально-этические особенности ее воплощения в материальной и духовной

жизни других горских племен. Образ истории создается широко и многогранно, с участием многих народов Кавказа, Турции и европейских государств.

В *Заключении* приводятся обобщающие результаты исследования проблемы по двум романам, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейшей разработки данной темы.

**Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:**

**I. Рецензируемый, реферируемый научный журнал,  
рекомендованный ВАК:**

1. Цей (Дагужиева) Б.А. Идея свободы личности в трилогии М. Кандура «Кавказ»: (статья ВАК) // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2007. – № 6 (25). – С. 53-56.

**II.**

2. Дагужиева (Цей) Б.А. Философское осмысление идеи добра и зла в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. (Материалы конференции) – Майкоп, 2001. – С. 44-45.
3. Дагужиева (Цей) Б.А. О художественном отражении трагической судьбы народа в произведениях адыгской прозы 1990-2000 гг. (И. Машбаш «Белая птица», К. Натхо «Отчужденные») // Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива-2003», том II. – Нальчик, 2003. – С. 50-54.
4. Дагужиева (Цей) Б.А. Историзм романа Исхака Машбаша «Жернова» // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. (Материалы конференции) – Майкоп, 2003. – С. 61-62.
5. Дагужиева (Цей) Б.А. Урыс-Кавказ заомрэ Псышхо икЫжьымрэ яхьылэгъэ къэбархэр: сюжетыр, мотив шхьагъхэр // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. (Материалы конференции) – Майкоп, 2005. – С. 70-71.
6. Цей (Дагужиева) Б.А. Национальная память как символ самосознания народа в произведениях В. Распутина и Ю.Чуяко // «Русская



литература и Кавказ». Вторая международная научно-методическая конференция. (Материалы конференции) – Сочи, 2007. (27-28 сентября). – С. 56-58.

7. Цей (Дагужиева) Б.А. Фольклор и историческая проза адыгов // Материалы первого международного конгресса кавказоведов. – Тбилиси, 2007. – С. 467-468.
8. Цей (Дагужиева) Б.А. Духовно-нравственные основы художественного мира Кавказа в романах И. Машбаша «Жернова» и М. Кандура «Кавказ» // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. (Материалы конференции) – Майкоп, 2008. – С. 353-355.

**ЦЕЙ БЕЛЛА АДАМОВНА**

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИХ**

**ПРОБЛЕМ В АДЫГСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ**

**ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА**

**(И. Машбаш «Жернова», М. Кандур «Кавказ»)**

**Автореферат**

Подписано в печать 05.03.09. Бумага типографская №1. Формат бумаги 60х84. Гарнитура Times New Roman. Печ.л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 022.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии Адыгейского государственного университета. 385000, г.Майкоп, ул. Университетская, 208.



$$10 =$$